

Принципы создания образа места

©2004 к.г.н. **Замятина Н.Ю.**

География и экология в школе XXI века. 2004. № 2. С. 3—11.

Страноведение и градоведение, не занимаясь непосредственно изучением представлений, предоставляет, тем не менее, широкое поле для прикладного применения результатов их изучения, получаемых в соответствующих отраслях географии. В первую очередь, страноведение и градоведение предъявляют спрос на образы отдельных мест, стран и городов.

В современной географии сосуществуют различные трактовки понятия образа. В классической поведенческой (когнитивной) географии (во многом следующей естественно-научному подходу к предмету), как и в психологии, образ – визуальный объект, «картинка», возникающая *в сознании* человека. Иногда образ рассматривается как совокупность различных (не только визуальных) представлений об объекте, отраженных *в сознании* одного или группы людей. С гуманитарной точки зрения, образ – комплекс несомых *текстом* представлений об объекте или явлении. В любом случае важен такой аспект образа как целостность (если угодно – системность). В большинстве случаев использование термина «образ» подразумевает определенным способом организованную информацию (зрительную или иных видов), восприятие которой не равно изолированному восприятию отдельных ее элементов.

На основании последней особенности попытаемся сформулировать ***определение образа места***, как оно может найти применение в прикладной сфере: это ***определенным способом организованная, внутренне целостная информация о месте*** (визуальная или иного рода).

В страно- и градоведении могут быть использованы как «естественнические» образы, представленные в сознании, так и «гуманитарные» образы, представленные в текстах. В первом случае образы, используемые в страноведении, представляются нам как дополнительная информация к комплексной характеристике страны: например, о том, какие ассоциации вызывает у большинства жителей их столица, с чем чаще всего ассоциируется форма страны и т.д. Во втором случае образ служит основой (одной из основ) описания (характеристики) страны. Настоящий текст посвящен именно второму случаю: созданию текстов, служащих основой для восприятия образов мест (учебники, лекции, популярные энциклопедии и др.).

Итак, текст должен содержать некоторую информацию, на основе которой у читателя (слушателя) будет формироваться образ места. Можно утверждать, что сильный, хорошо воспринимаемый и запоминающийся образ места должен удовлетворять определенным критериям. Это можно проследить по классическим образцам художественных и страноведческих описаний, имеющихся в литературе; примерно те же критерии используются в деловой практике создания имиджа. Ниже мы предприняли попытку обобщить и сформулировать основные требования к образному страноведческому тексту.

1. «Квантовая» организация текста. Информация должна группироваться в сгустки, тематические блоки. Важно, чтобы группировка информации по блокам была не формальной (вроде традиционной схемы «положение—население—хозяйство»), а содержательной, например:

Город N: а) степной, б) приморский, --
при этом в каждом блоке группируется весь комплекс информации, включая особенности населения и хозяйства), связанный, соответственно, со степью и морем.

Это правило, по сути, есть базовое требование образного страноведения, неоднократно оговоренное классиками. Примерно об этом писал Н.Н. Баранский, формулируя основные требования к страноведческой характеристике:

«В описании идут в определенном порядке, от полочки к полочке, от номера к номеру, не отбирая признаков по их важности, не заботясь о внутренней связи между отдельными чертами хозяйства страны или района, не стараясь их объяснить, не сопоставляя их с особенностями исторических судеб.

Совсем иначе строится характеристика.

Для характеристики отбираются важнейшие черты, отличающие данную страну или данный район от прочих; эти черты приводятся в определенную связь между собой, в определенную систему, из них выделяется ведущая, занимающая в этой системе центральное положение. Затем мобилизуются те особенности в положении, природе и исторических судьбах данной страны или района, которые могут объяснить уже выявленные нами особенности хозяйственного облика данной страны или района.»

Н.Н. Баранский. О связи явлений в экономической географии // Избранные труды. Становление советской экономической географии. М.: Мысль, 1980. 287 с. – С. 166.

Характерно, что этим классическим рекомендациям не удовлетворяет огромная масса страноведческих трудов, включая самые современные: меняется лишь список «полочек», на место отраслей промышленности приходят списки периодических изданий и т.д. По-видимому, проблема в том, что требования образности часто противоречат требованиям комплексной страноведческой характеристики. Характеристика подразумевает энциклопедичность, перебор свойств места «от геологии до идеологии». Образность же требует отказа от чрезмерной мелочности, живописи широкими мазками; незначительные для данного места сведения должны «генерализоваться» с его образной карты. Широко распространенные в страноведении сплошные переборы типа «цветная металлургия в данной стране развита слабо, легкая промышленность представлена отдельными полукустарными предприятиями» несут смерть образности описаний. Энциклопедичность в тематике вступает в противоречие с законами функционирования мышления, стремящемуся к группировке информации. Получая информацию о слабо развитой цветной металлургии и полукустарных фабриках, сознание пытается увязать их с основной специализацией страны (допустим, нефтедобыча) и друг с другом, и, не выдерживая подобной задачи, маркирует получаемый текст как «кашу», трудную для усвоения.

Из необходимости фильтрации информации в образном описании следует, что целесообразно рассматривать как *отдельные задачи* создание справочных, энциклопедических страноведческих характеристик, и образные, рассчитанные на живого читателя страноведческие тексты (в частности, учебники). Во втором случае просто необходимо отсеять часть информации, остальное максимально компактно сгруппировав в несколько блоков. Таким образом, мы подошли к формулировке второго правила организации образной информации:

2. Ограничение числа ведущих тем. Ведущих тем не должно быть слишком много для одного города/страны (категорически не более семи), в противном случае возникают существенные сложности с усвоением информации. Это требование жестко выдерживается профессиональными имиджмейкерами; оно же интуитивно соблюдается в искусстве:

«Несомненно, оттого, что я напитал их своими грезами, имена не отличаются большой емкостью; мне удавалось поместить в них самое большее две или три важнейшие достопримечательности города, и они располагались там друг подле дружки вплотную... Может быть, именно упрощенность этих образов была одной из причин власти, которую они забрали надо мной. [...] Когда отец мой решил однажды, что мы поедем на пасхальные вакации во Флоренцию и Венецию, то, не находя в имени Флоренция места для элементов, составляющих обыкновенно города, я принужден был породить на свет некий сверхъестественный город путем оплодотворения определенными весенними запахами того, что, по моим представлениям, было сущностью гения Джотто. [...] Имя Флоренция было разделено в моем воображении на два отделения. В одном, под архитектурным балдахином, я разглядывал фреску, частью задернутую занавесом утреннего солнца, пыльным, косым и все более раздвигающимся; в другом [...] я поспешно переходил – чтобы скорее сесть за стол, где меня ожидал завтрак с фруктами и вином кьянти, -- Арно по мосту Понте-Веккьо, заваленному жонкильями, нарциссами и анемонами».

М. Пруст. В сторону Свана.

В сторону Свана: роман / Пер. с фр. А. Франковского. – СПб.: Азбука, 2000. – 640 с. С. 557–558.

3. Символы тем. Желательно, чтобы каждый «квант» информации (тематический блок) имел свой яркий символ, дополненный и расширенный дополнительной информацией. Лучше всего это иллюстрировать на примере путешествия и экскурсии. В большинстве случаев в памяти экскурсия или путешествие связываются с определенным предметом, событием, ярким коротким воспоминанием. Это может быть символический вид (вроде Эйфелевой башни в Париже), фотография на фоне, событие из личной жизни (Это там мы познакомились с...) и даже – кстати, очень часто – вкусовое воспоминание (Ах, это тот город, где в ресторане подавали...). Подобные символы не стоит воспринимать как редукцию информации. Скорее наоборот, они служат своеобразными «закладками» в памяти, позволяющими хорошо запомнить, различать и при необходимости «оживлять» то или иное воспоминание.

Это универсальное свойство памяти, одно из классических описаний которого принадлежит М. Прусту:

«Много лет уже, как от Комбре для меня не существовало ничего больше, кроме театра драмы моего отхода ко сну, и вот, в один зимний день, когда я пришел домой, мать моя, увидя, что я озяб, предложила мне выпить, против моего обыкновения, чашку чаю. Сначала я отказался, но, не знаю почему, передумал. Мама велела подать мне одно из тех кругленьких и пузатеньких пирожных, называемых «мадлен», формочками для которых как будто служат желобчатые раковины моллюсков из вида морских гребешков. И тотчас же, удрученный унылым днем перспективой печального завтра, я машинально поднес к своим губам ложечку чаю, в котором намочил кусочек «мадлен». Но в то самое мгновение, когда глоток чаю с крошками пирожного коснулся моего нёба, я вздрогнул, пораженный необыкновенностью происходящего во мне.

Сладостное ощущение широкой волной разлилось по мне, казалось, без всякой причины. [...] Откуда могла прийти ко мне эта могучая радость? Я чувствовал, что она была связана со вкусом чая и пирожного, но она безмерно превосходила его, она должна была быть иной природы. Откуда же приходила она? Что она означала? Где схватить ее?

[...]

И вдруг воспоминание всплыло передо мной. Вкус этот был вкусом кусочка «мадлен», которым по воскресным утрам в Комбре (так как по воскресеньям я не выходил из дому до начала мессы) угощала меня тетя Леония, предварительно намочив его в чае или настойке из липового цвета, когда я приходил в ее комнату поздороваться с нею. Вид «мадлен» не вызвал во мне никаких воспоминаний, прежде чем я не отведал ее; может быть, оттого, что с тех пор я часто видел эти пирожные на полках кондитерских, не пробуя их, так что их образ перестал вызывать у меня далекие дни Комбре и ассоциировался с другими, более свежими впечатлениями [...] Но, когда от давнего прошлого ничего уже не осталось, после смерти живых существ, после разрушения вещей, одно только, более хрупкие, но более живучие, более не вещественные, более стойкие, более верные запахи и вкусы долго еще продолжают, словно души, напоминать о себе, ожидать, надеяться, продолжают, среди развалин всего прочего, нести, не изнемогая под его тяжестью, не своей едва осязаемой капельке огромное здание воспоминания.

И как только узнал я вкус кусочка размоченной в липовой настойке «мадлен», которую угощала меня тетя [...], так тотчас старый серый дом с фасадом на улице, куда выходили окна ее комнаты, прибавился, подобно театральной декорации, к маленькому флигелю, выходившему окнами в сад и построенному для моих родителей на задах (этот обломок я только и представлял себе до сих пор); а вслед за домом – город с утра до вечера и во всякую погоду, площадь, куда меня посылали перед завтраком, улицы, по которым я ходил, дальние прогулки, которые предпринимались, если погода была хорошая. И как в японской игре, состоящей в том, что в фарфоровую чашку, наполненную водой, опускают маленькие скомканные клочки бумаги, которые, едва только погрузившись в воду, расправляются, приобретают очертания, окрашиваются, обособляются, становятся цветами, домами, плотными и распознаваемыми персонажами, так и теперь все цветы нашего сада и парка г-на Свана, кувшинки Вивоны, обыватели городка и их маленькие домики, церковь и весь Комбре со своими окрестностями, все то, что обладает формой и плотностью, все это, город и сады, всплыло из моей чашки чаю.»

М. Пруст, с. 95—97.

То же относится и к географической информации. Снабженная символом, эта пища оказывается гораздо приятнее для пищеварения нашего сознания.

Следует, однако, призвать к осторожности, с которой нужно прибегать к использованию в качестве символов места его типовых достопримечательностей и расхожих «символов». Конечно, традиционные символы вроде Собора Василия Блаженного в Москве или Эйфелевой башни в Париже легко послужат мысленной «закладкой» для узнавания, соответственно, Москвы или Парижа. Однако этого мало для узнавания образа в целом. Собор может быть использован в качестве символа Москвы только в том случае, если желаемый образ Москвы должен быть основан на православии, традиционности, лубочности – всем том, что может ассоциироваться с собором. Эйфелева башня хороша как символ способности Парижа к обновлению. Если же автор не хочет придавать образу Москвы патриархальную благообразность, а Парижу – динамичность, эти расхожие символы стоит обойти стороной. Образ не должен уподобляться стереотипическому японскому туристу, пунктуально «отмечающемуся» на фотопленке у всех достопримечательностей по списку.

Подбор символа требует особой тщательности; он должен быть подобран так, чтобы спектр возможных ассоциаций с ним как можно полнее охватывал соответствующий «тематический блок» характеристики города (страны). при этом желательно подбирать символы, близкие и понятные потенциальному получателю информации. Приводимый ниже текст иллюстрирует процесс формирования образа города: от вычленения темы – древность – до конденсации образа в мысленный символ. Особо обратим внимание на вписанность достопримечательности – церкви

– в более широкий образ древней, первозданной земли (вехи вписания мы отметили **полужирным шрифтом**):

«Моим заветнейшим желанием было увидеть бурю на море, прельщавшую меня не столько в качестве величественного зрелища, сколько в качестве явления, приоткрывающего подлинную жизнь природы; или, вернее, прекрасными зрелищами были для меня только те, которые, как я знал, на принадлежат к числу искусственно созданных для моего развлечения, но являются необходимыми, не поддающимися изменению, -- красоты природы или великие произведения искусства. [...] Я требовал также, чтобы морской берег, с которого я наблюдал бы ее, был естественным берегом, а не молом, недавно сооруженным муниципалитетом. [...] И имя Бальбек, которое называл нам Легранден, запечатлилось в моем сознании как имя городка, расположенного «у мрачных морских берегов, славившихся многочисленными кораблекрушениями и ежегодно в течение шести месяцев окутанных саваном густых туманов и пеной волн».

*«Там еще чувствуется под ногами, -- говорил он нам, -- гораздо сильнее даже, чем в Финистере (хотя бы этот древнейший костяк земли загромождался в настоящее время отелями, неспособными изменить его характер), там чувствуется настоящий предел французской, европейской земли, старого мира. И это последняя стоянка рыбаков, живших с начала мира у порога незапамятно древнего царства морских туманов и ночных теней». Однажды, когда я заговорил в Комбре об этом бальбекском пляже со Сваном, чтобы узнать от него, действительно ли эта местность является наиболее подходящей для наблюдения штормов на море, он отвечал: «Да, мне кажется, я хорошо знаю Бальбек! Бальбекская церковь, построенная в XII и XIII столетиях, еще наполовину романская, является, может быть, наиболее любопытным образцом норманской готики, но замечательнее всего, что там чувствуется влияние даже персидского искусства». И эти места, казавшиеся мне до сих пор не чем иным, как куском незапамятно древней природы, современной великим геологическим эпохам, -- места, столь далекие от истории человечества, как Океан или Большая Медведица, и населенные диким племенем рыбаков, для которого так же, как и для китов, не существовало средневековья, -- приобрели в моих глазах еще большую прелесть, когда они вдруг представились мне вплетенными в ряд веков, пережившими эпоху романского стиля, когда я узнал, что готический трилистник пришел украсить, в назначенный час, также и эти дикие скалы, подобно тем нежным, но живучим растениям, которые с наступлением весны усеивают хрупкими звездочками снега полярных областей. **И если готика приносила этим местам и этим людям недостававшую им определенность, то и они сообщали ей взамен известное своеобразие.** Я пробовал мысленно нарисовать себе картину жизни этих рыбаков, представить себе робкие и неуклюжие попытки социальных отношений, которые они уставляли там в средние века, скученные на узкой полоске земли, в преддверии ада, у подножия скал смерти; и готика казалась мне более живой теперь, когда, отделив ее от городов, где я воображал ее до сих пор, я мог видеть, как в одном частном случае, среди диких утесов, она пустила корни, выросла и расцвела остроколючной колокольней. Меня повели в музей посмотреть репродукции самых прославленных статуй бальбекской церкви – кудрявых и курносых апостолов, Деву Марию с портала, -- и от радости у меня захватило дух при мысли, что в один прекрасный день я буду иметь возможность увидеть их воочию **на фоне извечного соленого тумана.** И тогда, в бурные и полные уюта февральские вечера, ветер – навевая моему сердцу (где он гудел с не меньшей силой, чем в камине моей спальни) проект поездки в Бальбек – **сливал мое желание видеть готическую архитектуру с желанием любоваться штормами на море.** [...] Даже не ожидая завтрашнего поезда, я мог бы, если бы позволили мне родители, торопливо одеться и уехать сегодня же, так, чтобы прибыть в Бальбек в момент, когда забрезжит рассвет над **бушующем морем, от соленых брызг которого я укроюсь в церкви персидского стиля.***

[...]

*Что касается Бальбека, то это было одно из тех имен, на котором, как на старой норманской посуде, хранящей цвет земли, послужившей для нее материалом, видно еще изображение какого-нибудь давно исчезнувшего обычая, феодального права, старинного вида местности, вышедшей из употребления манеры произношения, которая запечатлелась в форме причудливых слогов и которую я не сомневался найти там в неприкосновенности, даже у трактирщика, который подаст мне кофе с молоком по моем приезде и **поведет к церкви показать бушующее перед ней море;** этого трактирщика я мысленно наделял сварливой, торжественной и средневековой внешностью персонажа из фаблю...*

*В имени Бальбек, как в увеличительном стекле, вставленном в те ручки для перьев, которые можно купить на морских пляжах, я различал **волны, бушевавшие вокруг персидской церкви**».*

М. Пруст, с. 550—558.

Обратим внимание, что образность не следует путать с цветистостью описаний. Образы тщательно подбираются под определенный блок информации. В идеале, они должны автоматически вызывать в сознании читателя ряд ассоциаций, почти совпадающий с тем, что читателю и предлагается усвоить¹. Ярчайшие примеры «антиобразного» построения информации часто можно услышать в спортивных комментариях, когда «для украшения» текста используются не связанные с его содержанием метафоры. Например, голландский теннисист называется «любителем тюльпанов». Конечно, слушатель, соображает, что тюльпаны – символ Голландии; но собственно содержание сообщения связано не со свойствами Голландии, а с результатом игры теннисиста, и для ее усвоения упоминание тюльпанов служит не столько подспорьем, сколько помехой (оправданием комментатору служит только то, что результат матча болельщику и так легко запомнить, и «мусорная» информация о тюльпанах не является здесь уж очень серьезным препятствием). Напротив, упоминание о голландских тюльпанах было бы уместно, если бы как-то соотносилось с игрой голландца – например, отличающегося изящностью, аккуратными, будто нежными ударами ракеткой и т.д. Вновь приведем в пример классическое описание Бальбека, где все эпитеты (старая норманская посуда, хранящая цвет земли, ручки для перьев, продающиеся на морских пляжах и т.д.) выстраивались в единый образный ряд древности и моря.

4. Нарращивание темы. Помимо символа, выбранная тема должна быть предъявлена в тексте неоднократно, в разных вариациях.

Здесь я должен в скобках заметить, что станция, где происходит действие, никогда, даже во времена мировых войн, не могла пожаловаться на нехватку мела. Ей, случалось, недоставало шпал, дрезин, стичек, молибденовой руды, стрелочников, гаечных ключей, шлангов, шлакбаумов, цветов для украшения откосов, красных транспорантов с необходимыми лозунгами в честь того или совершенно иного события, запасных тормозов, сифонов и поддувал, стали и шлаков, бухгалтерских отчетов, амбарных книг, пепла и алмаза, паровозных труб, скорости, патронов и марихуаны, рычагов и будильников, развлечений и дров, граммофонов и грузчиков, опытных письмовыводителей, окрестных лесов, ритмичных расписаний, сонных мух, щей, каши, хлеба, воды. Но мела на этой станции всегда было столько, что, как указывалось в заявлении телеграфного агентства, понадобится составить столько-то составов такой-то грузоподъемностью каждый, чтобы вывезти со станции весь потенциальный мел. Вернее, не со станции, а из меловых карьеров в районе станции. А сама станция называлась Мел, и река — туманная белая река с меловыми берегами — не могла называться иначе как Мел. Короче, все здесь, на станции и в поселке, было построено на этом мягком белом камне: люди работали в меловых карьерах и шахтах, получали меловые, перепачканные мелом рубли, из мела строили дома, улицы, устраивали меловые побелки, в школах детей учили писать мелом, мелом мыли руки, умывались, чистили кастрюли и зубы и, наконец, умирая, завещали похоронить себя на поселковом кладбище, где вместо земли был мел и каждую могилу украшала меловая плита. Надо думать, поселок Мел был на редкость чистый, весь белый и прибранный, и над ним постоянно висели облака и тучи, беременные меловыми дождями, и когда они выпадали, поселок становился еще белее и чище, то есть совсем белым, как свежая простыня в хорошей больнице. Что же касается больницы, то она и была тут хорошая и большая. В ней болели и умирали шахтеры, больные особой болезнью, которую в разговоре друг с другом называли меловой. Пыль мела попадала рабочим в легкие, проникала в кровь, и кровь становилась слабой и жидкой. Люди бледнели, лица светились в сумраке ночных смен бело и призрачно, в часы передач и свиданий светились в окнах больницы на фоне изумительно чистых занавесок, прощально светились на фоне предсмертных подушек, а потом лица светились только на фотографиях в семейных альбомах. Снимок наклеивался на отдельной странице и кто-нибудь из домашних старательно обводил его черным карандашом. Рамка получалась неровной, но торжественной.

¹ Проблема в том, что один и тот же символ может вызывать различные ассоциации в сознании автора образа и его читателя. Она будет рассмотрена ниже.

Саши Соколов. Школа для дураков. М.: «Огонек»-«Вариант». 1990. С. 36—38.

Приведенный выше текст – явный гротеск, однако хорошая образно-географическая характеристика строится примерно по той же схеме: выбирается базовый образ, который подкрепляется примерами и обыгрывается в различных вариациях:

Генерализация, т.е. отбор главных, ведущих, входящих в характеристику черт, должна быть дополнена конкретизацией этих ведущих черт в виде живых, наглядных, доходчивых и легко запоминающихся образов.

Н.Н. Баранский. С. 172.

Особенно украшают срановедческие тексты, делают их более запоминающимися визуальные «портреты» описываемых мест. Классическая схема включающей «портрет» характеристики места формулируется следующим образом: краткое формулирование основной темы (или образный символ)⇒визуальные признаки, подкрепляющие основную тему⇒аналитические комментарии, связанные с формированием и причинно-следственными связями.

«Бокаж, занимающий запад Франции, во всех своих видах, мало отличающихся друг от друга, представляет тесное сочетание воды, деревьев и травы. Каждому типу почв соответствует свой тип бокажа, но составные элементы ландшафта всегда одни и те же. Пастбища, более или менее влажные, с более или менее густой травой, огорожены живыми изгородями из кустарника, цветущего весной, усиленного «головастиками», то есть деревьями, которые безжалостно подрезаются приблизительно до уровня двух метров над землей. В местностях, где дует сильный ветер, особенно близ морского побережья, появляются высокие деревья, усиливающие создаваемый изгородью экран. Нигде не видно открытых горизонтов; за изгородями – поляны с яблоневыми садами, замкнутый мирок, сумрачный и насыщенный испарениями; влажное небо, влага, исходящая из пропитанной водой почвы, роса, качающаяся на листьях высокой травы, склоняющейся под ее тяжестью. Проселочная дорога не менее укротна: она извивается между изгородями, иногда покрытая сводом из веток; не видно, куда и откуда она идет. Липкая грязь сохраняет следы коровьих копыт, колес телег, деревянной обуви, но все эти следы перепутались: один ведет к шаткому затвору, запирающемуся колом-рогаткой, чтобы скот не мог уйти со своего луга, другой у места, вытоптанного скотом вокруг лужи или вдоль ручейка. Само небо как будто замкнулось. Разнообразные звуки, проходя через туманную завесу, приглушаются, кажутся идущими издалека. Происхождение этого пейзажа объясняется особенностями климата, историей аграрной колонизации и типом сельского хозяйства, принятым у местного населения.

Постоянная влажность климата, обеспечивающая эти земли водой во все времена года, благоприятствует древесной растительности. Вплоть до средних веков лес покрывал весь запад Франции. Долины, сочившиеся водой, были неприступны из-за непроходимых зарослей кустарника, где скрывалась дичь, на которую охотились и устраивали облавы феодальные владельцы. Места уединения и тишины, излюбленные гальскими жрецами (друидами), привлекли и христианских монахов. Вырубки вокруг монастырей постепенно увеличивались. Для раскорчевки леса и обработки монастырских земель привлекались колонисты. Так создано множество маленьких деревень, сохранивших до наших дней названия древних аббатств, например: Персень, Брибек, Солины, или имена имена покровителей монастырей, вроде Сен-Сенери или Сен-Леонар-де-Буа в Нормандии. Позже вглубь леса стали проникать и крестьяне-одиночки; облюбовав местечко в какой-нибудь долине около ручья, они строились там. Стены из глины с соломой, грубо обструганные балки, соломенная крыша – вот и готово жилище, хлев и сарай. Рожь или гречиха посеяны вокруг усадьбы, скот пасется в лесу. Но чтобы скот не уходил слишком далеко и чтобы обеспечить его лучшим кормом на небольшом пространстве, где за ним легче следить и куда нетрудно ходить доить коров, вырубали деревья, на вырубках выделяют участки с густой травой, их огораживают живой изгородью, а тень вырубленного леса заменяют тенью нескольких яблонь. Так возникли бокажи со своими бесчисленными маленькими хуторами [...], рассеянными среди деревьев.

[...]

Маленькие деревни занимаются исключительно производством молока и сыроварением. По дорогам постоянно проезжают грузовики, собирающие на рассвете бидоны с молоком и отправляющие в район Парижа белые сырки из творога и сметаны (деми-сель). Как и во всех районах, где разводят крупный рогатый скот, люди трудятся непрерывно, не имея и дня отдыха; кормить скот и доить коров нужно круглый год... Как и во всех районах со специализированным сельским хозяйством, продукция которого предназначена для рынка, хотя бы не очень отдаленного, полное подчинение производителя транспортеру и обществу, скупающему и перепродающему продукцию, является законом.»

Жорж П. Франция. 1949 г. // Жорж П. Франция: Экономическая и социальная география. М., Изд-во Иностранной литературы, 1951. – 334 с. С. 134-136.

Особую роль в ряду визуальных признаков играют нежесткие, ассоциативные связи. Такие связи были особенно характерны для детерминистских географических работ XVIII – начала XX, когда географы нередко включали в текст характеристики национального характера, типичного внешнего вида жителей (Вам встречались старые фотографии с характерной подписью: «Тип кавказца», «Тип уличной торговки в Париже» и т.д.?). Страноведческий текст был немыслим без рассуждений о влиянии климата и природы в целом на характер жителей и даже политического устройства стран.

«Не удивительно ли, как земли, разделенные вечными преградами Естества, неизмеримыми пустынями и лесами непроходимыми, холодными и жаркими климатами; как Астрахань и Лапландия, Сибирь и Бессарабия, могли составить одну Державу с Москвою?»

Карамзин Н.М. История государства Российского. В 12 т., т.1, стр. 14-15.

«Перед нами обширная равнина: на огромном расстоянии от Белого моря до Черного и от Балтийского до Каспийского путешественник не встретит никаких сколько-нибудь значительных возвышений, не заметит резких переходов. Однообразие природных форм ослабляет областные привязанности, ведет народонаселение к однообразным занятиям [...]. одинаковые потребности указывают одинаковые средства к их удовлетворению — и равнина, как бы ни была обширна, как бы ни было вначале разноплеменно ее население, рано или поздно станет областью одного государства...»

Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России. М., 1989, стр. 159-160.

Сама возможность выявления прямых связей между природой и национальным характером, внешним видом людей или городов представляется современной науке весьма сомнительной. Однако будучи грамотно использованными (т.е. без претензии на установление жестких причинно-следственных связей), те или иные нежесткие параллели могут сослужить хорошую службу в создании образа. Возьмем, например, описание французского города Арль в классическом труде Э. Реклю:

«Другим наиболее значительным городом в департаменте устьев Роны является город Арль, или древний Арелат, расположенный в том месте, где Рона разделяется на два рукава. К концу Римской империи Арль был столицей Галии, «Гальским Римом», а в девятом веке он сделался столицей Прованса. В двенадцатом веке Арль стал вольным городом и достиг большого значения, наравне с Генуей и Пизой. Но междоусобные войны между представителями знатных родов и епископами ослабили силу республики и Арль мало-по-малу потерял свое значение. Арль славится красотой своих жителей, особенно женщин. «Арлезьянки» отличаются белизной своей кожи, которая еще более ослепительна благодаря их черным волосам; по тонкости черт и пылкости взгляда они походят на итальянок или гречанок. Арль соперничает с Нимом многочисленностью римских памятников. Здесь находятся остатки римского амфитеатра, некогда вмещавшего 25 000 зрителей.»

Э. Реклю. Народы и страны Западной Европы. Том 1. Франция. Перевод с французского. Под редакцией и с дополнениями Н.К. Лебедева. М.: 1915. 160 с. – С. 54.

В приведенном фрагменте сравнение арлезианок с итальянками и гречанками хорошо ложится в общий план создания образа Арля как города древностей, античных памятников, богатого на ассоциации с Римом. В этом контексте сопоставление арлезианок с итальянками может для некоторых читателей стать отличной меткой исторической связи Арля с Римской империей. В современной страноведческой работе такие параллели вполне допустимо упомянуть в ассоциативной контексте, например: «В Арле много от Рима, Римского духа. Иногда его называют «Гальским Римом», подразумевая, что в Римской империи он был столицей Галлии. Арлезианок же и сейчас часто сравнивают (принято сравнивать, обычно ставят в один ряд, известный французский географ Реклю считал похожими) с итальянками, восхваляя их тонкую, античную красоту и грацию, южную пылкость взгляда. Но главное римское наследие Арля – ...». Главное – давать себе (и читателю) отчет в нежесткости, умышленной образности такого рода параллелей.

Ради «обыгрывания» основной темы могут использоваться такие незначительные детали места, которые были бы опущены в большинстве стандартных характеристик: местные блюда, формы крыш и заборов, местные пословицы и поговорки и т.д. Это ни сколько не противоречит предыдущему правилу отсеивания информации. Будучи связанным с основной темой (например, «приморскость» города), мелкие детали не только не засоряют, но, наоборот, усиливают и закрепляют ее восприятие. Все подробности, связанные с раскручиванием основной темы, заслуживают внимания. Напротив, стоит пренебречь фактами, имеющими для города значение, может быть и большее, чем формы крыш и заборов (например, небольшое кожевенное производство) – но не «тянущие» на основную тему и не «подкрепленные» богатым набором дополнительных связей и ассоциаций. Образ складывается из сгустков информации, деталей, тесно «сцепляемых» сознанием между собой – хотя, может быть и малозначительных по одиночке. Кстати, имиджмейкеры рекомендуют проводить требуемую информацию в разных формах: звуковой, визуальной, текстовой и др., поскольку разные люди более чувствительны к разным видам информации.

4. Географическое представление образа

Помимо звуковых, вкусовых, визуальных и других ассоциаций часто полезно дать географический ряд ассоциаций: как указывалось выше, географическая организация информации зачастую оказывается самой эффективной. Попробуйте возможно более полно изложить все свои знания о Баварии, не используя ни одного другого географического названия. Теперь – без этого географического ограничения. Очевидно, что второй путь – с использованием обобщающего знания о более крупных географических объектах (Европа, Германия, Альпы), ярких, сфокусированных образов более мелких (Мюнхен), с использованием сравнений – окажется более эффективным. Даже простая фраза «Земля на юге Германии со столицей в Мюнхене» иной раз может вызвать больше ассоциаций, чем удалось припомнить, выполняя первую задачу.

Можно посоветовать несколько приемов «географизации» информации»:

- 1) Введение вмещающего географического контекста.

Те или иные свойства объекта можно «подать» как типичное проявление свойств более крупного географического объекта, образ которого известен и хорошо вспоминается. Таков, например, образ Стамбула в следующем фрагменте:

«...главный парадокс Стамбула таков: Азия тут – Европа, а вот Европа – самая что ни на есть Азия. Карту хочется перевернуть вверх ногами...

Пересекаешь узкую полосу Босфора – и оказываешься в чистом респектабельном европейском городе, оставляя позади, в географической Европе, бессонный, шумный, грязный азиатский базар, кружащийся наподобие дервиша вокруг ядер конденсации, -- мечетей и дворцов. Кружение усиливается хаотичным мельканием машин: светофоры либо отсутствуют, либо не работают, либо игнорируются. Разносчик чая со своей хрупкой подвесной конструкцией из подноса и восьми стаканчиков в безумной отваге мчится на автомобильный поток, перекрывая криком клаксоны; машины с визгом тормозят, водители высовываются по пояс и машут одобрительно руками.

На азиатской же стороне, чуть дальше аккуратного ближнего Кадыкёя – фешенебельные районы Фенербахче, Бостанджи, Гёзтепе: тут-то и селится солидный средний класс. Здесь горят огни на перекрестках, здесь следят, чтобы не рушились дома и не замусоривались улицы, --- на это есть время, поскольку нет одержимости продажи и показа, никто не дергает пришельца за фалды, предлагая путеводитель, шашлык, бумажные салфетки, штаны, древний камень».

П. Вайль. Гений места. с. 306.

2) Географическая фокусировка информации.

Аналогично, образ более крупного объекта можно дать через образ более мелкого – опять-таки, если образ более мелкого объекта более устоявшийся, широко известен или просто лучше «читается». Так, часто образ целого региона передается через образ его главного города.

Данный прием лежит в основе методики выделения «знаковых мест» (см. гл. 2).

3) Географическая трансляция информации.

Речь идет о сравнении изучаемого географического объект с более известным – прием, традиционный для страноведения. Трансляция информации лежит в основе использования перифраз, т.е. выражений типа «Северная Венеция», «Русский Манчестер» (Иваново), «Сибирские Афины» (Томск), «Уральский Чикаго» (Екатеринбург), «Русский Нил» (Волга) и т.п.

4) Введение «зеркального» географического контекста есть характеристика места «на фоне» другого – опять-таки другое место, выбранное в качестве «зеркала», должно обладать стойким, сложившимся образом. Классический пример такого зеркального соотнесения – знаменита фраза «Здесь не Чикаго, моя дорогая».

5) Картографические приемы.

Уже сам вид объекта на карте – мощный географический образ: достаточно вспомнить популярную репрезентацию образа СССР как «одной шестой части суши» или использующую тот же прием картографического оформления рекламу «Автобанка»: «Банк для большой страны».

Среди картографических приемов можно порекомендовать:

-- выделение контура территории на мелкомасштабной карте (только для крупных территорий!) – вроде контура СССР на фоне «глобуса»;

-- включение в рамку карты объектов с хорошо сложившимися, знаковыми образами: близость к ним сама по себе может повлиять на образ объекта. В качестве примера приведем сильно «европеизированную» карту «Географическое положение Вологодской области», представленную в Интернет (заметим, что карта

в целом не совсем удачна, т.к. за счет «смещения» в Европу основной объект карты – Вологодская область – оказалась не по центру листа, к тому же в усеченном виде):

-- обозначение на карте знаковых объектов («знаковых мест» с ярко выраженными и значащими в данной ситуации образами) внутри описываемой территории. Особо следует подчеркнуть важность этого приема для часто «пропадающих» в результате стандартной генерализации объектов: самый древний город региона, известные в истории небольшие природные объекты, вроде реки Угры и т.д. Разумеется, все эти объекты необходимо «поднимать» на карте только в тех случаях, если информация о них «вписывается» в разработанную концепцию создания образа.

-- исключение отдельных объектов (для «нестрогих» карт: например, на обложке туристического буклета).

5. Проверка контекста восприятия.

Любой текст воспринимается каждым по-своему. Даже такие простейшие характеристики как «Северный город» или «южный город» могут быть восприняты совершенно различным образом, что блестяще показал А.Ф. Строев, сопоставляя описания различных стран иностранцами:

«Описание трапезы Константена в курной избе [в России] напоминает рассказ о любой «варварской» северной стране, увиденной французами, например, Англии как в сатирическом романе Лезюира и Лувеля «Европейские дикари» (1760): «Выбравшись из жалкой своей повозки, они вошли в таверну, где воздух был столь же тяжелый, как кормившиеся там англичане; то здесь, то там слабые огоньки слегка пробивались сквозь дым от трубок и угля; отряд курильщиков, сгрудившись возле печки, грустно тянул из одного кувшина желтоватое пойло [...] ». Авторы рисуют Англию как страну смерти, где любовные истории кончаются самоубийством, законы не исполняются, а каждый житель или приезжий рискует оказаться в тюрьме по вздорному обвинению.

Вольтер в «Философских письмах» (1734) при всей своей любви к Англии также отдает дань стереотипам, рисуя мрачные таверны и склонность англичан к самоубийствам. В первой главе «Истории Карла XII» (1732) философ описывает Швецию ровно такой, какой предстает Россия под пером д'Онуа и французских путешественников: это страна, где летнюю жару резко сменяет мороз, где зима длится девять месяцев, где луна и снег освещают долгую зимнюю ночь [...] где суровый климат укрепляет здоровье людей, если только они не разрушают его неумеренным потреблением спиртных напитков...

Но подобное отношение может переноситься и на Францию, если автор – южанин.

[...] Неаполитанский дипломат аббат Галиани, друг Дидро, в начале своего пребывания в Париже жалуется на климат. Он пишет в 1759 г. маркизу Тануччи: «здоровье мое не переносит местных тягот. [...] Скверный воздух, отвратительная вода, нелепый климат, не хватает снега, фруктов, сыра, устриц – какое насилие над моим неаполитанским темпераментом».

В XIX в. то же противопоставление Севера и Юга возникает в творчестве А. Доде. С точки зрения писателя и его персонажей, уроженцев Прованса, Лион и, тем более, Париж, предстают как типично северные города: холодные, темные, дождливые, сырые. В этом невыносимом климате туман, текущая отовсюду вода, река, каналы создают атмосферу меланхолии и способствуют самоубийствам. Французская столица начинает напоминать Лондон или Петербург, города-призраки, города-убийцы.

А. Строев. Россия глазами французов. // Логос # 8 (1999) 18. С. 25—26.

Художник, да и ученый-гуманитарий обычно не подстраивается под ту или иную традицию восприятия; их цель – создать новое поле смыслов, и чем оно богаче, чем шире возможности для интерпретации (иногда даже не «запланированные» самим художником), тем выше оценивается произведение. Однако в некоторых случаях приходится заботиться о возможно более близком к авторскому восприятию материала: лекция, учебник, целенаправленное формирование имиджа территории. В таких случаях приходится учитывать особенности восприятия конструируемого текста – причем в определенной, целевой аудитории. Для этого созданные образы приходится специально проверять на «проходимость» и корректировать.